

УДК 894.322

**ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ В ОБРАЗЕ ИНДИЙСКОГО МЯТЕЖНИКА
В ПОЭМЕ ЭРКИНА ВОХИДОВА «ВОССТАНИЕ ДУХОВ»**

Д. Бахриддинова

Национальный университет Узбекистана, г. Ташкент, Узбекистан

**EXPRESSION OF NATIONAL LIBERATION CONSCIOUSNESS
IN THE IMAGE OF INDIAN REBEL IN THE POEM
OF ERKIN VOHIDOVA «REVOLT OF SPIRITS»**

D. Bahriddinova

National university of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. This article describes the history of the poem written by the poet E. Vohidov. The main purpose of the poet, original compositional and artistic features of the poem.

Keywords: Erkin Vohidov; «Rise spirits»; poem; drama; rebellion; composition of the poem; legend; folklore motifs; epic world of lyrical presentation.

По преданию, семь мудрецов Древней Греции – Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисон и Хилон, встретившись в храме Аполлона в Дельфах, оставили надпись «Познай себя». Неужели в распоряжении философов не было других слов? Были, конечно. Однако познание человеком самого себя, «Размышлять о своей сущности» (А. Навои) – великое счастье. Также и Сократ в одной из своих бесед об истине говорит «сначала познай самого себя». Действительно, процесс познания важная ступень, а человек является серьёзным объектом познания.

Человек, как бытие, мир в целом, также является отдельным миром. «Какая это величественная и прекрасная картина, когда человек всеми своими силами и воодушевлением даёт миру знать о себе; озаряет светом своего разума окружающую мглу; совершает невозможное, достигает небес при помощи своего разума; подобно Солнцу шагает великими шагами по просторам Вселенной – самое важное и сложное – его вхождение в собственные внутренний мир, изучение им человека внутри себя, познание им своего долга и судьбы» [9, с. 152].

Есть в узбекской литературе XX века великое произведение. Его создание можно оценить как значительный шаг в познании человеком своего «я», своей сущности. Это произведение одного из поэтов, определивших ведущие принципы современной узбекской поэзии, поэма Эркина Вохидова «Восстание духов», написанная пламенным духом, с сильным трагическим пафосом. «Определение художественно-эстетической ценности и значения поэмы, жизненный материал, который избран как объект для раскрытия граней жанра, принципы его художественного исследования, сущность идейно-художественных и философско-эстетических обобщений, глубину и масштаб содержания поэмы целесообразно оценивать в целостности. На наш взгляд, решающую роль в определении характерных особенностей любого жанра играют природа художественного мышления, культура мышления, проявляющиеся в связи с требованиями, предъявляемыми жизненным материалом» [1, с. 176].

В поэме так же, как в эпическом или драматическом произведении, дана довольно широкая и законченная картина жизни, сложные взаимоотношения и переживания людей изображены с определённой степенью объективности, однако поэма обладает своей отдельной интонацией, которая в литературоведении иногда называется «пафосом жанра». В поэме определённое место занимает вмешательство автора в течение событий и выражение им своего отношения к ним. В этих «лирических отступлениях» особое внимание обращено на изображение чувственных переживаний, картины мира и человека.

Целью написания поэтом поэмы было не только освещение судьбы Назрула Ислама, но и горестей деспотизма, отражение сильных и слабых сторон

человеческой души, судьбы поэта, несчастий человечества и общества. Нам бы хотелось оценить написание поэмы как героизм, проявленный поэтом. На наш взгляд, настоящий героизм – это своевременно высказанная истина. Разве то, что Эркин Вохидов в 1979 году написал о тоталитаризме, не является великим подвигом?! Несмотря на то, что события, описанные в поэме, происходят в Индии, нам не чужды были борьба за независимость Родины, мысли о свободе края, участь тех, кто воспевал свободу, их страдания, унижения.

Судьба Назрула Ислама это судьба Фитрата, обратившегося к звезде Миррих (Марс) со словами: «Есть ли в звёздной твоей душе такие же, как у нас низость и унижения», судьба Чулпана, мечтавшего: «Желание народа это освобождение края, пусть исчезнут его покровители». Именно это терзало душу поэта, явилось толчком для создания произведения, вдохновило на написание поэмы. Такова была доля узбекского народа, которая была не менее, но может быть более горестна, чем несчастья Назрула Ислама. В своём интервью в журнале «Тафаккур» поэт признаётся, что перенес события в Индию для того, чтобы выразить чувства свободы, освобождения. Некогда и Фитрат выбрал этот путь в своём произведении «Индийские борцы за независимость», однако поэт при написании поэмы не знал не только этого произведения писателя, но не мог иметь представления о творчестве Фитрата. Потому что в те времена деятельность джадидов была осуждена, а их произведения не издавались.

Изображение борьбы индийского народа против англичан в произведении Фитрата «Индийские борцы за независимость» служило поводом для призыва узбекского народа к борьбе против тоталитаризма. Случайно попавшаяся в руки Э. Вохидова небольшая книжка Назрула Ислама, изданная на русском языке, подтолкнула его на создание произведения в духе Фитрата. «Сначала я решил просто перевести книгу на узбекский язык, затем работа над переводом превратилась в написание поэмы. Ибо судьба поэта, посвящённая борьбе за независимость страны, была уже готовой поэмой. Назрул Ислам представал передо мной то Чулпаном, то Усманом Насыром. Я даже невольно написал, что Назрула Ислама объявили «врагом народа», хотя в действительности в Индии Назрула Ислама никто «врагом народа» не объявлял. Человека «врагом народа» могли назвать только во Франции времен Великой революции XVIII в. и в стране Советов. Однако в то время почему-то никто не обратил на это внимания» [3, с. 34].

Противопоставлять людей друг другу, ослаблять их изнутри, бесцеремонно объявлять «врагами народа» и уничтожать открытых душой и сердцем, жаждущих свободы представителей народа было одним из наихудших проявлений советской политики. Решиться написать об этом в те времена было подвигом поэта. По-другому и не могло быть. Коротко говоря: «Чтобы во весь голос заговорить об истине, нашей литературе понадобилось 70 лет, а поэту Эркину Вохидову – 30 лет! Только обладающий самосознанием поэт, сердце которого свободно от рабства, склонный к мятежу, с крепкой верой может во весь голос говорить об истине, Родине, народе, реальной жизни» [7, с. 23]. Несмотря на то, что поэт мог бы, заботясь о своём спокойствии, как большинство, пойти по лёгкому пути, восхваляя величие советской власти, однако он не сделал этого. Ибо сердце поэта, как он сам писал в своей поэме, билось беспокойно.

Назрул Ислам смотрел на мир восхищёнными глазами, что является первым признаком вдохновения, стремления познать мир. Если бы он жил во времена Хусрава Дехлави, Бабура, Бедиля, то он, несомненно, стал бы творить в том же стиле, что и они. Однако он жил в другое время, которое требовало пожертвовать пламенным сердцем. Угнетенная мать-Индия ждала от него избавления, спасения. Его сердце восстало. Сложность его человеческой природы, величие человека, попиравшего ногами поверхность планеты, его полемический характер – всё это вызывает удивление: как в одном существе могли ужиться покорность и мятежность! В поэме автор говорит об этой сложной личности:

*Тангриларни осмон қадар Ты, тот, который
Кўтарган ҳам сен. Вознёс богов до небес.*

*Сажда қилган, Ты и поклонявшийся,
Яна исён кўтарган ҳам сен. Ты же и восставший.*

Поэт возвышает до высот Гималаев ценность человека кроткого и в то же время самоотверженного мятежника. И ставит ребром вопрос, который терзает душу не Назрула Ислама, а его самого:

*Куллик сенга кўп малолдир, Рабство очень тяжело для тебя,
Аммо не учун Однако почему
Бошинг эгик Голова твоя поникла,
Тилинг лолдир, Язык онемел,
Коматинг забун? Стан согнулся?*

Почему ты склоняешь голову перед рабом божьим? Ведь причиной этому твоему состоянию является не только судьба? Эти нескончаемые вопросы сменяются воплем: «Эй, угнетённый человек, довольно с тебя векового невежества!» Разве не указывает вековое невежество на деспотический образ правления? Если в начале века Чулпан во всеуслышанье объявил: «Не надевай оков, не склоняй голову, ведь ты тоже рождён свободным», то Эркин Вохидов от имени Назрула Ислама призывает народ, пребывающий во сне невежества, со склонённой головой, онемевшим языком, согнувшимся станом, достоинством, попраным вековым рабством, проснуться, восстать ради духов предков. По мнению «владельца умов» А. Камю: «Во всяком мятеже отражается нецелесообразность той вещи, против которой направлен мятеж и общие требования, объединившие желания заменить её другими вещами. В этом смысле мятеж это – стремление построить новый мир. Это относится и к искусству. Мятеж, говоря более открыто, ставит перед собой эстетические требования. Все мятежные мысли... проявляются или в призывах, или символических образах нового мира» [5, с. 184]. Новый мир, который имел в виду Камю, это творение творческой личности. В каком бы облике не представал новый мир творческой личности, её цель – довести его до понимания, осознания читателей. Ибо осознанный мир это – обновляющийся мир. Человек по природе своей склонен к мятежу. Назрул Ислам желает освобождения народа. Если даже мир согласен с несправедливостью, то он не согласен. Задача, возложенная на писателей, трагична. Возвестив истину миру Назрул Ислам подвергся осуждению. Прочитав его стихи, которые не были ни романтическими, ни вольнодумными,

*Ҳинду уни «жобон» деди, Индиец назвал его «жобон»,
«Кофир» деди мусулмон. Мусульманин – «бogoотступником».
Бу исённи, бу нифоқни Зачем этот мятеж, раздор
Чиқармоқ не зохирга Явными делать.
Сисат-ла ўйнашмоқни Кто дал право играть в игры с политикой
Ким қўйибди шоирга». Этому поэту.*

Это выражение отношения деспотического строя к литераторам, которые вместо того, чтобы делать литературу официозной, воспевать «раскрепощенную и свободную эпоху», возвещали о боли народа, воспевали свободу. Люди молчат, хотя видят и ощущают гнёт и несправедливость. Все это происходит, потому что «дома есть жена и дети». Это психология массы, точнее, трагедия человека, предпочитающего быть «голодным, зато спокойным». Поэт в главе «Предание о самопожертвовании» поэмы говорит о том, что во все времена существовали и существуют мудрецы, но среди них мало смельчаков, большинство же осторожничают. В предании молодой воин, готовящийся к бою, одним из первых восстаёт против обычая, согласно которому вместе с умершим мужем хоронят и его живую жену:

*«...Шу-чун ўлсам куним битиб, «...И потому, если я умру,
Васиятим шу бўлсин: Завещаю вам следующее:
Ёрим эмас, Не возлюбленную,
Ҳамроҳ этиб Как спутника, а боевое оружие
Жанг қуролим кўмилсин» Похороните вместе со мной».*

Содрогнувшись от этих слов, толпа убила юношу и написала на его могиле такие слова: «Этот презренный человек не считал священными обычаи предков». Юноша погиб, положив конец нелепому обычаю. Но после него люди прекратили хоронить живьем жён вслед за умершими мужьями.

Это похоже на то, как после смерти монаха Телемаха, были прекращены бои гладиаторов в Древнем Риме. Последний бой гладиаторов в Риме состоялся в 404. Монах Телемах из Малой Азии хотел разнять сражающихся гладиаторов. «Ожидающий смерти театр дураков» (выражение У. Насыра) аплодировал ему. Гладиаторы с налитыми кровью глазами зарубили его насмерть. Впечатлённый этим событием император Гонория запретил бои гладиаторов.

В главе «Предание о невежестве» поэмы приведён образ мудреца, который считал жизнь народа своей жизнью. Он желал делиться знаниями с людьми. Острым кинжалом возвращает зрение слепому. За это народ приговаривает его к смерти. «В структуре существования, можно сказать, в диалектике жизни есть одна особенность, не соответствующая логике – извечная трагедия: мыслитель открывает законы существования общества, а общество именно за эти заслуги предаёт его анафеме, как изменника, однако позже общество вооружается именно этими открытиями» [2, с. 64].

В этом плане и сам поэт высказал следующее: «Строй, в котором мы жили, обладал очень изящным, многожды испытанным и, откровенно говоря, очень отвратительным методом. Коротко его можно назвать методом вынимания ручья из самого предмета. Если следовало нанести удар представителю какой-либо нации, то это дело осуществлялось другим представителем именно данной нации, исполнитель приговора отыскивался именно в родном краю» [4, с. 54]. Ибо понятие «народ» включает в себя и толпу, и невежественное простонародье, и учёный народ, образованную интеллигенцию. К сожалению, мудрец, учёный муж, который заботится о благополучии своего народа, становится жертвой произвола толпы, невежества. Когда же его воздействие оказалось безрезультатным, он принимает свою судьбу и признаёт, что «в невежестве нет греха». Ибо, «несмотря на то, что о понятии «народ» часто упоминают, оно никогда, ни с каких сторон не означает единой силы. Всегда есть народ, есть толпа, есть образованные» [10, с. 15].

Мы никогда не можем сказать, что все части народной массы обладают единым мировоззрением. Ибо те, кого волнуют только заботы об утробе, вручают свою свободу если не этому, то другому. Именно этому народу «Назрул Ислам пытался объяснить сущность счастья и несчастья. Но нуждается ли в этом неподвижная толпа? Ей и так хорошо: она сыта, одета, спокойная жизнь крадет её многотрудное, стеснённое счастье (трагедию). Назрул Ислам поставил свою жизнь поперёк этому дикому течению, которое чувствовало дыхание несчастья в своём счастье и не знало как реагировать на это, он хотел направить его в русло добра. Однако это течение было очень древним, очень диким» [6, с. 165].

Поэт, ставший жертвой этого невежества, можно сказать, дикости, понимает своё бессилие перед притязаниями этих тёмных, невежественных, впавших в заблуждение людей. Однако «убив творческого человека, общество убивает в его лице свою силу и мощь: вместе с искусством оно вырывает свою энергию. В конце концов даже если тираны полностью достигли бы своей цели, то они превратили бы лицо земли не в рай, а ад» [5, с. 195].

Существуют люди, которые не могут прийти в согласие с обществом. Они не помещаются в рамки известных законов, правил, ограничений. Назрул Ислам был именно таким. Страдания свели его с ума. У него начались галлюцинации. Это его душевное состояние возникло не из-за стеснения его мыслей и желаний, которые имел ввиду Зигмунд Фрейд, а в результате его обыденного образа жизни, что доказал Карл Густав Юнг.

Жизнь Назрула Ислама закончилась трагической смертью. Эта трагедия привела к возникновению героизма. «Личность, самоотверженно боровшаяся против ограниченных условий, мешавших возникновению новой идеи или проявления настоящей сущности человека, геройски погибает, то есть свобода выражена в субъекте, а необходимость – в объекте, и объект одерживает победу над субъектом,

однако далее он живёт идеями субъекта, в результате жертва приобретает статус социально-нравственного идеала, физически погибает, но духовно живёт долгое время или достигает бессмертия» [11, с. 153]. Приходит день, когда колонялисты покидают страну, а Индия становится свободной. К сожалению, поэт не смог ни почувствовать этого, ни порадоваться этому. Только его мятежный дух живёт вечно, переселившись в произведения, из года в год передаётся из уст в уста. Э. Вохидов в поэме «Восстание духов» не только использует народные предания в качестве целостного жанра, он вводит сюжеты и мотивы преданий в композиционное построение поэмы и, используя своё мастерство, внедряет сюжеты фольклорных произведений в общий дух поэмы, подчиняет их своим идейно-художественным целям, демонстрируя этим образец истинного новаторства.

Художественный замысел автора проявляется в преданиях, в которых воплощены позиция автора, его идейно-эстетические взгляды. Каждый образ, каждая мысль, идея, поэтическая деталь в предании служит раскрытию характера человека, усилению психологического драматизма. Актуальные проблемы эпохи выражаются на фоне символических истолкований. Читатель, который знакомится с поэмой, погружается в размышление и, как мы осторожно высказались в начале повествования, начинает осознавать себя. Величие поэмы «Восстание духов», являющейся лирическим изложением эпического размышления о мире и человеке, проявляется именно в этом.

Библиографический список

1. Адабий турлар ва жанрлар (тарихи ва назариясига оид). Уч жилдлик. – 1-жилд. – Т. : Фан, 1991.
2. Айтматов Ч. Кассандра тамғаси // URL: www.ziyo.net.
3. Бу обод кунларга етдик соғ-омон (Э. Вохидов билан суҳбат) // Тафаккур. – 2011. – № 3.
4. Вохидов Э. // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. – 2011. – № 5.
5. Камю А. Исён ва санъат // Жаҳон адабиёти. – 1997. – № 1.
6. Қаршибоев М. Рухнинг мангу қўнғироғи // Камалак. – Тошкент : Ёш гвардия, 1990.
7. Норматов У. Қўнғилларга қўчган шеърят. – Т. : Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2006.
8. Раҳимжонов Н. Истиклол ва бугунги адабиёт. – Т. : Ўқитувчи, 2012.
9. Руссо Жан Жак. Илм фан ва санъат равнақи ахлоқнинг покланишига ёрдам берадими? // Жаҳон адабиёти. – 2010. – № 6.
10. Шарафиддинов О. Ижодни англаш бахти. – Т. : Шарқ, 2004.
11. Шер А. Аччиқ ҳақиқатлар фалсафаси // Жаҳон адабиёти. – 2012. – № 4.

© Бахриддинова Д.